

Отражение присваивающей и производящей экономики в культах и обрядах народов Приамурья и Приморья XI—XIV вв.

Татьяна Юрьевна Сем,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея, Санкт-Петербург.
E-mail: semturem@mail.ru

В статье представлены обычаи и обряды средневекового населения Маньчжурии и Дальнего Востока России (чжурчжэней и их предков — тунгусо-маньчжурских народов), связанные с культом воды, тайги, неба, земли, солнца, хищной птицы (сокола), животных (тигра, медведя, лошади, собаки, свиньи).
Ключевые слова: обычаи, обряды, средневековье, чжурчжэни, культы природы и животных.

Reflection of appropriating and producing economics in the cults and rituals of the peoples of the Amur River region and Primorsky Territory in XI—XIV centuries.

Tatyana Yu. Sem, Cand. Sc. (History), senior researcher at the Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and the Far East of the Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg.

The author describes the customs and rituals of the medieval population of Manchuria and the Russian Far East (Jurchen and their ancestors — the Tungusic peoples) associated with the cult of water, taiga, heaven, earth, the sun, a bird of prey (falcons), animals (tiger, bear, horse, dog, pig).

Key words: customs, rituals, the Middle Ages, Jurchen, cults of nature and animals.

Вдуховной культуре тунгусоязычных племён и народов в эпоху средневековья важное место занимали обычаи и обряды. Многие из них сохранились в том или ином виде до наших дней. Яркая самобытная культура сложилась ещё в раннем железном веке и, постепенно развиваясь и обогащаясь, в средневековье достигла своего зенита. До настоящего времени имеется всего лишь несколько статей по теме обрядности чжурчжэней [7; 8; 16; 25; 26; 29; 34], где некоторые обычаи и ритуалы освещены частично, фрагментарно, либо попутно. В данной работе делается акцент на отражении в культах и обрядах присваивающей экономики.

Везде, где жили тунгусоязычные народности, — в тайге, в степях, по рекам и в горах — у них сохранились черты, родственные для группы народов в целом. Но особенности географических условий жизни, культурные контакты оказывали всё большее влияние и придавали культуре каждого племени или народа местный колорит. На юге Маньчжурии ос-

новным занятием чжурчжэней было земледелие и скотоводство; на севере Маньчжурии, в Приамурье и Приморье, по речным системам Амура, Сунгари, Уссури и их многочисленным притокам — рыболовство и охота; в горных районах Приморья и Приамурья, Северной Маньчжурии — охота; в таёжной полосе Приамурья — оленеводство и охота. Естественно, что хозяйство определяло особенности обычаев и обрядов. Тунгусоязычные племена и народности славились большим искусством в промысле продуктов рек, озёр, моря и тайги.

Рыболовство и охота даже у южных групп чжурчжэней продолжали играть большую роль в духовной культуре: память об этих промыслах сохранялась и в условиях развитого феодального общества. Изображения различных рыб, животных были сохранены правящей императорской верхушкой для социальных различий населения и бюрократического государственного аппарата. Чиновники обязаны были носить на поясе изображения рыбы, а военные — меч [6, с. 215]. В 1214 г. Сюаньцзун «утвердил печати для чиновников шу-ми-юань с изображением оленя, для чиновников сю-ань-фу-сы — с изображением рыбы и для тун-цзюань-сы — с изображением тигра» [14, л. 352а].

Члены императорской фамилии получили половинную или целую печать с золотым изображением тигра, что давало им право на наследственное владение землёй и имуществом [14, л. 438а]. Например, генерал Дао-жун носил на поясе печать с фигуркой золотого тигра [15, с. 92], такие же отличительные знаки были и у князей. В 1232 г. император Ай-цзун выдал удельному князю, владевшему землями, печать, полное одеяние с вышитыми драконами и два боевых лука [14, л. 439b]. На печати имелось изображение рыбы. Лук считался показателем особой милости и расположения.

Изображения рыб и животных были в обществе чжурчжэней не случайны. Они говорят о сохранении традиций с глубоких времён, когда рыболовство и охота определяли направленность хозяйства и всей жизни. Удача или неудача в промыслах во многих случаях зависела от природных условий. Поэтому некоторые религиозные обряды связаны с «хозяевами» реки, моря, тайги, гор и других угодий. О большом значении рыболовства и охоты говорят уклад жизни, быт и имущество. В пищу многие употребляли рыбу, носили одежду, сшитую из рыбьей кожи, а племя мэн-гу, жившее на северо-востоке от чжурчжэней, даже свои латы изготовляло из рыбьей шкуры, и их не могли пробить стрелы [6, с. 166].

С промыслом рыбы у тунгусоязычных племён был связан культ воды (реки, моря). Его возникновение относится к глубокой древности. Сохранился он у чжурчжэней и в условиях государственности. В честь духа воды и духа Восточного моря (Ланчжоу) молились, готовили жертвоприношения [8, с. 72—73]. Чтобы лов рыбы оказался удачным, хозяина воды необходимо было задобрить. Тогда в доме у рыболовов будет довольство и безбедное существование. Культ воды и водоёмов сохранился у тунгусо-маньчжурских народов и в более позднее время. Он зафиксирован

исследователями у ульчей, нанайцев, орочей в конце XIX — начале XX в. [33; 19; 32]. Но культ рыболовного промысла, воды и рыбы является характерным не только для тунгусоязычных народов, занимающихся преимущественно рыболовством. Сходные географические условия и уровень общественного развития привели к появлению культа рыбы, воды, реки и у киданей, основным занятием которых были скотоводство и охота. Источник Ляо чжи так описывает этот обычай: «С наступлением войны приносили жертву небу, земле и духу горы Му-е-шань; отливали из золота приказы (или значки фу) с заголовками в виде рыбы, по которой командировались войска» [6, с. 181]. По-видимому, рыболовство играло далеко не последнюю роль в жизни киданей, если изображение рыб использовалось для отдачи приказов.

Ещё один факт свидетельствует о важности рыболовства и обычаев, связанных с этим видом промысла. С древних времён сохранялось погребение, при котором умершего ориентировали по объекту, занимавшему в его жизни важнейшее место. Им могли быть и река, и тайга, и море, и гора и пр. Источник сообщает: «нуйчжэньский император по обычаю был сожжён, оставшиеся кости его взяли, чтобы похоронить при реке» [15, с. 236].

Нанайцы в XIX в., по данным И.А. Лопатина, на могилу взрослого клали оморочку с вёслами, нарты, лыжи, орудия охоты и рыболовства, которые должны были служить умершему в потустороннем мире [21, с. 289]. Вероятно, этот обычай погребения у реки с орудиями рыболовства уходит своими корнями в более отдалённые времена. Наличие грузил, крючков, острог, остатков рыбы, ориентация по реке позволяют предполагать существование подобных обычаев со времени неолитических культур Приамурья, Приморья и Северной Маньчжурии [25, с. 94, 107, 123—125].

Для другой группы тунгусоязычных племён и народов, жизнь которых связана с тайгой, охотничьим промыслом, были характерны культ зверей, птиц, хозяев тайги и зверей, всё это сохранилось и в условиях феодального государства. В.П. Горский по этому поводу писал о маньчжурах: «Важность предводителя охоты так высоко ценилась в глазах простых людей, что его особа была неприкосновенна, его достоинство свято хранилось через целые поколения в одном роде» [9, с. 16]. Феодалы и сам император часто совершали выезды для облавной охоты или рыбной ловли, которые для знати, в отличие от простых соплеменников, служили источником забавы, наслаждения, игры.

В феодальном обществе чжурчжэней сложились также определённые обряды и обычаи, связанные с облавной охотой. Цзинь-ши сообщала, что в прошлом на облавную охоту феодалы ездили четыре раза в году, в зависимости от сезона. Но после того как императорский двор перенесли в Пекин (Янь), оказалось, что охотиться, не разоряя крестьянские поля, невозможно. Тогда по императорскому указу облавную охоту разрешили только раз в году, после сбора урожая. Был установлен строгий церемониал. Зимой «проводят более месяца на облаве, в которой принимают участие даже императрица, царицы, князья и приближённые чиновни-

ки. При всякой облаве следующие за императором войска расставляются тайно со всех сторон в круг, который называется вэй-чан (кит. *вэй* 'окружность', *чан* 'площадь, арена'), и в него загоняют лисиц, зайцев, кабанов, кабаргу, оленей. Государь первым делает выстрел или пускает сокола; затем следуют принцы и приближённые вельможи; когда (император и свита) оставляют круг облавы, тогда только позволено охотиться прочим... Сицзун еще более дорожил охотой; он запретил своим чиновникам увещевать его касательно... облавы; так уважается последняя» [6, с. 210—211].

Во время охоты как общинники, так и император соблюдали обычаи и совершали ряд обрядов, имевших религиозный характер. Они просили счастья и удачи у «хозяев» воды, неба и земли. Известен также обычай захоронения костей убитых животных. Это хорошо прослеживается по археологическим раскопкам в Приамурье и Приморье. У с. Кукелево в жилище под сосудом «в специально вырытой ямке прямоугольной формы было обнаружено около 20 костей голени козы. У всех косточек отломаны концы с нижним суставом. Верхними концами они все были обращены на север» [7, с. 42]. Объясняя это явление, А.П. Деревянко писал: «Все народы Сибири, занимавшиеся охотой, тщательно собирали кости диких животных и охраняли их от осквернения. Существовали и специальные, нередко весьма сложные, охотничьи ритуалы» [11, с. 238, 242].

В пади Степаниха у восточной части одного из раскопанных жилищ была обнаружена яма, на дне которой встречались мелкие угольки, а «в центре лежали обломок большой берцовой кости животного, несколько мелких обломков костей» [12, с. 36, 111]. Вероятно, обычай закапывать кости диких животных связан с культом медведя, кабарги и других зверей. Съев мясо, голову медведя (иногда и некоторые другие кости, по кусочку мяса от каждой части туши и органов) хоронили в тайге, что представлялось как погребение всего зверя. Это делалось в надежде, что он вскоре воскреснет и уйдёт в тайгу [2, с. 111]. У киданей, а возможно и у некоторых тунгусоязычных племён, существовал обычай: при сжигании костей умерших родителей, дети говорили: «Помогите мне не голодать в зимнее время, получить на охоте побольше кабанов и оленей» [6, с. 176]. Следовательно, по их поверьям, перед сожжением костей имелась возможность воздействовать на хозяина вселенной, хозяина тайги, хозяина зверей. У народов южной части Дальнего Востока вплоть до начала XX в. были известны обычаи специального захоронения костей убитых животных, особенно медведя, т.к. считалось, что они через некоторое время вновь превратятся в зверя. Существовал особый культ захоронения костей, связанный с последующим воскрешением. Вполне возможно, что он ведёт своё происхождение с древних времён и через посредство племён и народов средневековья донесён до наших дней.

Перед охотой у тунгусоязычных народов Дальнего Востока в эпоху средневековья произносились ритуальные молитвы и совершались коленопреклонения с целью получить удачу на промысле. Такой церемониал вряд ли существенно отличался от подобных обрядов нанайцев и ульчей

[32, с. 44; 13, с. 85]. По этому поводу известно замечание Л.Я. Штернберга: «У всех амурских тунгусов перед сезоном охоты избирается особое дерево в лесу, на котором вырезается изображение божества и по которому восходят молитвы охотника к хозяину неба, и такое дерево... называется торо» [38, с. 737].

У тунгусоязычных народностей большое значение имели культы птиц и зверей, связанных с охотой. Среди них был известен культ орла, сокола. Он встречался у чжурчжэней, мохэсцев, бохайцев, воцзи. Этим птицам поклонялись, их превозносили придворные поэты. Существовала специальная соколиная дорога, по которой ко двору привозили соколов с места их поимки. Она тщательно охранялась. Перерезать её означало начать войну. Цзинь-ши так говорит об одном из случаев: «От государства Дайляоского отложился правитель Ба-и-мэнь удела Пуна — одного из пяти княжеств; отчего путь, коим доставляли соколов ко двору, сделался непроходимым» [14, л. 7а]. Для освобождения дороги было послано войско. В другом источнике рассказывается о приручении сокола для охоты: «Бодонь-чару, поймав себе сокола, приучил его добывать птицу. И птица стала добывать одну за другой дичь, как будто само Небо пеклось о нем» [15, с. 3]. В этом случае сокол приравнивался к орлу и считался посланником неба. Л.Я. Штернберг отмечал, что «культ орла характерен для народов самых различных культур и самых различных рас, наиболее отдалённых друг от друга» [38, с. 718, 730]. Исследователь пришёл к выводу, что орёл и сокол воспринимаются как священные птицы верховного божества, птицы счастья, а их культ везде ассоциируется с солнцем [38, с. 718, 731].

Культ орла, хищной птицы имелся и у других народов Сибири и Дальнего Востока. Так, айны обращались к орлу с просьбой о помощи [38, с. 718, 731]. Удэгейцы и орочи имели род, который вёл своё происхождение от орла [18; 19], нанайцы — от коршуна [31, с. 11]. Соколы входили в число шаманских духов [37, с. 30]. У маньчжур была записана легенда о происхождении императорского дома от брака горного духа в образе сороки и девы [9, с. 27]. Эта птица оказывала мальчику всемерную помощь: скрывала от врагов, помогала в промыслах [10, с. 196]. По-видимому, сорока для маньчжурского рода Айжинь-гиоро была священной птицей, и ей поклонялись все сородичи.

Но самым распространённым был культ животных, что объяснялось их большим значением в промысле у тунгусоязычных народов Дальнего Востока. Среди зверей первое место принадлежало тигру, который считался их хозяином. Так, Хоуханьшу рассказывала, что вэйцы «молятся тигру как божеству» [4, с. 31]. Мохэсцы преклонялись перед его силой, коварством, сообразительностью. У них имелась священная гора Тхайшань. «На сей горе медведи, леопарды и волки не вредят людям, но и люди не смеют убивать их» [4, с. 92]. На Сикачи-альянских писаницах имеются мохэские реалистические изображения тигров, которым, вероятно, поклонялись [24, с. 125]. У чжурчжэней тигр ассоциировался в социальном отношении с верушкой феодалов [14, л. 352а]. Этот же культ был

известен киданям [40, с. 119], маньчжурам [39], а в начале XX в. ещё сохранялся у многих тунгусоязычных племён Приамурья и Приморья — найцев, ульчей, удэгейцев, орочей.

Култ медведя также был развит в эпоху средневековья. Сообщая о набегах мохэских племён в VII в., японские источники в числе захваченной у них добычи упоминают живых медведей [27, с. 10—11]. Вероятно, эти животные специально откармливались мохэсками для медвежьего праздника. Зверь являлся тотемом, от которого вели своё происхождение многие роды [3, с. 303—323; 6]. Ему как хозяину тайги поклонялись наряду с тигром.

«С почитанием медведя сложилось два обряда: один был связан с охотой на него, второй — с воспитанием зверя в неволе» [19, с. 97]. Култ медведя носил характер массовой родовой религиозной церемонии, но по мере развития общества и разложения древнего строя образ медведя-тотема перерастал в образ общеплеменного, либо межплеменного тотемного божества [3, с. 323]. В отличие от култа тигра, култ медведя был распространён только среди рядовых общинников чжурчжэней и не был воспринят феодалами.

Вполне возможно, что у народов Приамурья и Приморья существовал култ и других зверей, имевших важное значение в промысле. Так, на полуострове Песчаном в культурном слое были найдены черепа лосей, кабанов, оленей [28, с. 54—56]. Их могли сохранять для специального захоронения, после которого животные должны были вновь воскреснуть. Такой обычай наблюдался у народов Дальнего Востока России ещё в конце XIX — начале XX в.

Немало преданий и обрядов было связано с лошадьми, собаками, свиньями. В условиях феодального общества особенно высоко ценились лошади. Нередко в разгар войны в обмен на лучшую из них соглашались даже заключить мир [22, с. 46]. Когда же представитель дайляосского правителя Асибо попытался взять коня умершего брата Агуды, из-за этого чуть не началась война [14, л. 30b]. У мохэсцев и чжурчжэней коня обязательно закапывали в могиле умершего хозяина. Цзинь-ши писала: «Во время траура чжурчжэни делали жертвоприношение и оставляли лошадь, которую посвящали умершему. Взять эту лошадь было большим преступлением и наказывалось смертью» [14, л. 30b—31a]. В связи с этим интерес представляет находка нескольких фрагментов от двух глиняных конских статуэток, обнаруженных при раскопках мохэских жилищ вблизи села Осиновки в Приморском крае [35, с. 35]. Аналогичные изображения были найдены в поселениях на территории Маньчжурии [23, с. 184] и в более ранних памятниках железного века в Приморье [1, с. 120; 12, с. 112, 135—136]. Существование культа лошади подтверждается археологическими раскопками у чжурчжэней. Обнаружены фигурки всадников на лошадях из бронзы. По мнению Э.В. Шавкунова, они изображали верховное светлое божество в противопоставление фигурке всадника на драконе — подземного тёмного божества [36]. Как культовую чжурчжэни

и кидани особенно ценили лошадь белой масти [4, с. 128]. Кидани её закалывали в качестве жертвоприношения, чжурчжэни давали в обмен за мир [6, с. 172—173].

У чжурчжэней, мохэсцев, маньчжуров существовали также обычаи и обряды, связанные с ритуальным убиением собаки. Они считали, что голова и шкура собаки белой масти отгоняли злых духов. Поэтому кидани убивали животное при постройке жилища. У них имелись специальные пёсьи дни — праздники для всего народа [40, с. 270]. Они приходились на восьмое число восьмой луны. У маньчжуров и их предков чжурчжэней часто находят глиняные изображения собак, которые выполняли функции животных во время церемоний [6, с. 109, 191].

Некоторые группы тунгусоязычных племён вместо собаки при постройке жилища убивали свинью (обнаружено при раскопках поселения Михайловского). Возможно, так они отпугивали злых духов или приносили хозяевам дома жертвоприношение [12, с. 87].

Таким образом, приведённые факты свидетельствуют о наличии у тунгусо-маньчжуров в раннем железном веке и в эпоху средневековья культов, связанных со скотоводством. Оно и земледелие играли в хозяйстве чжурчжэней, маньчжур большое значение и постепенно вытесняли рыболовство и охоту в область подсобных (а для феодалов даже развлекательных) отраслей хозяйства.

Усиление роли земледелия и его зависимость от погодных условий привели к дальнейшему развитию культов, связанных с почитанием природы (воды, неба, земли, солнца). Аналогичные культы были известны фууйцам, гаогюйлисам, чжурчжэням, маньчжурам и другим народам и племенам Приамурья и Приморья [17, с. 228, 231—232]. Цзинь-ши рассказывает, что «Агуда со всеми полководцами вышел из дома, принял чашу с вином и, обратясь к востоку, произнёс молитву Небу и Земле» [14, с. 33b]. Тайцзун неоднократно приносил им жертвоприношения [14, л. 79a, 192b]. В отличие от доклассового общества в условиях феодального стали возводить специальные храмы щэ-цзи (земледелия) [14, л. 192b]. О большом развитии и значении земледелия для чжурчжэней говорит и то, что единицы измерения у них стали сравниваться с хлебными мерами [14, л. 29b, 63a]. Развитие земледелия у тунгусо-маньчжурских народов в этот период их истории прослеживается и по археологическим раскопкам [23, с. 272]. Нередко орудия для возделывания земли стали класть в захоронения людей, что свидетельствовало о значимости этой отрасли хозяйства [29, с. 128]. Часто источники упоминают дни, когда народ и даже императоры чжурчжэней просили удачи в земледелии, дождя, выполняя обряд стрельбы из лука в тальник [14, л. 42a, 57a]. М.В. Воробьёв объясняет эти действия тем, что полёт стрелы ассоциировался с ветром, который приносил дождевые тучи, а ива — с водой, рекой, на берегах которых она растёт [7, с. 47]. Нередко для испрашивания дождя приготавливали небольшую глиняную скульптурку дракона и приносили ему жертву [8, с. 74]. Раз в год сам император чжурчжэней выез-

жал на поля, имитируя проведение первой борозды, приносящей счастье и хороший урожай [14, с. 274b—275a]. У нанайцев и удэгейцев во время осенних обрядов испрашивания охотничьей удачи строили специальные помосты у трёх деревьев и устанавливали идолов, помогающих в промысле и по дому. Во время церемонии втыкали наконечники стрел в деревья, таким образом желая получить удачу в охоте и здоровье. Затем помост разбирали на щепки и хранили в течение года до нового жертвоприношения [30, с. 621—625].

Были, вероятно, специальные обряды и обычаи ремесленников. Один из них можно связать с находкой В. Ленковым костяка подростка в металлической печи [20, с. 35—36].

Следует иметь в виду, что многие из существовавших у тунгусоязычных народов обычаев и ритуалов, связанных с промысловой деятельностью и экономикой, являются ценным источником для установления характера хозяйства на длительном историческом отрезке времени, позволяют проследить происходящие в нем изменения. Кроме того, изучение обрядов и обычаев этих народов даёт возможность исследовать эволюцию религиозных воззрений от доклассового общества до феодального.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Андреева Ж.В. Древнее Приморье. М., 1970. 147 с.
2. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом происхождении первобытных верований. М.; Л., 1958. 235 с.
3. Анисимов А.Я. Культ медведя у эвенков и проблема эволюции тотемистических верований // Вопросы истории религии и атеизма, М., 1950. С. 303—323.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2. 333 с.
5. Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская Этнография, 1948. № 4. С. 78—104.
6. Васильев В. История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, джурджитах и монголо-татарах. СПб., 1857. 233 с.
7. Воробьёв М.В. О происхождении некоторых обычаев чжурчжэней // Доклады по этнографии. Л., 1968. Вып. 6. С. 42—51.
8. Воробьёв М.В. Религиозные верования чжурчжэней // Доклады по этнографии. Л., 1966. Вып. 4. С. 61—82.
9. Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1852. Т. 1. С. 1—188.
10. Горский В. О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1852. Т. 1. С. 189—247.
11. Деревянко А.П. К истории среднего Амура в железном веке // Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 229—242.
12. Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975. 250 с.
13. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.
14. История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая по 1293 г. Перевод с маньчжурского студента Пекинской духовной миссии гр. Розова // Арх. Ин-та вост. рукоп. РАН. Разряд 1. Оп. 1. Д. 3. 642 л.

15. История первых четырёх ханов их дома Чингисова. Переведено с кит. монахом Иакинфом. СПб., 1829. 441 с.
16. Кычанов Е.И. Чжурчжэни в XI в.: Материалы для этнографического исследования // Сибирский археолог. сб. Новосибирск, 1966. С. 269—281.
17. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 392 с.
18. Ларькин В.Г. Удэгейцы: Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. Владивосток, 1958. 36 с.
19. Ларькин В.Г. Орочи: историко-этнографический очерк (середина XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. 176 с.
20. Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII в. Новосибирск, 1974. 173 с.
21. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Т. XVII. Владивосток, 1922. 370 с.
22. Малявкин А.Г. Цзинь-ши // Сб. научных работ пржевальцев. Харбин, 1942. С. 41—58.
23. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья: Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959. 292 с.
24. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971. 336 с.
25. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973. 440 с.
26. Окладников А.П., Медведев В.Е. Чжурчжэни Приамурья по данным археологии // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 4 (12). С. 118—128.
27. Позднеев Дм. Материалы по истории Северной Японии и её отношений к материкам Азии и России, Токио, 1909. Т. 2, ч. 1. 177 с.
28. Пронина Г.И., Андреева Ж.В. Приморье в 1-м тысячелетии до н.э.: материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С. 537—552.
29. Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток, 1973. 314 с.
30. Сем Ю.А. Родовая организация нанайцев и её разложение. Владивосток: ДВФ СО АН СССР, 1959. 31 с.
31. Сем Т.Ю. Семиотика шаманских ритуалов: по материалам тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII — XX вв.: Хрестоматия. СПб., 2006. С. 568—626.
32. Сем Ю.А. Чжурчжэньский могильник в долине Партизанска: материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С. 126—131.
33. Смоляк А.В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 291 с.
34. Шавкунов Э.В. Антропоморфные подвески-фигурки из бронзы и культ предков у чжурчжэней // Сов. Этнография. 1975. № 4. С. 110—120.
35. Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. 129 с.
36. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 284 с.
37. Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919. 62 с.
38. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1925. Т. 5, вып. 2. С. 717—740.
39. Shirokogoroff S.M. Social organisation of the Manchu A study of the Manchu clan organisation. Royal Asiatic Society. Vol. III. Shanghai, 1924, 194 p.
40. Wittfogel K.A. and Feng Chia-Sheng. History of Chinese society Liao (905—1125). Philadelphia, 1949, 752 p.